

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В XVIII ВЕКЕ

Э. ВИНТЕР

И. В. ПАУС О СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ФИЛОЛОГА И ИСТОРИКА (1732)

Уже в приложении к «Истории славянской филологии» И. В. Ягича кратко упомянут до той поры почти неизвестный славист Паус.¹ Впрочем, еще раньше В. И. Перетц² занимался Паусом, который столь усердно работал над изучением русского языка, литературы и истории. П. Н. Беркову мы также обязаны небольшим этюдом о Паусе.³ Д. И. Чижевский в связи со своим изучением галльского пизетизма тоже обратил внимание на Пауса.⁴ В своей работе о Галле и я увидел его в новом свете.⁵ Правда, уже Пекарский в «Истории Императорской Академии наук в Петербурге», основываясь на углубленном изучении архивов, подчеркивал значение деятельности Пауса.⁶ Во времена Пекарского наследие Пауса было, вероятно, еще объединено, тогда как сейчас оно находится частью в Архиве Академии наук, частью в Рукописном отделении БАН.⁷

¹ См.: И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 921.

² См.: Историко-литературные исследования и материалы, т. 3. СПб., 1902, стр. 268 и след.

³ См.: Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 153—157, 299—300. — П. Н. Берков упоминает о Паусе и его «Observationes» в статье «Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке» («Язык и литература», 1930, вып. 5, стр. 105—107). — *Прим. Ред.*

⁴ См.: Zu den Beziehungen des A. H. Franckekreise zu den Ostslaven. «Kyrios», 1939/40, стр. 286—310.

⁵ См.: E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im XVIII Jahrhundert. Berlin, 1953, стр. 204—205. (В дальнейшем цитируется: E. Winter. Russlandkunde).

⁶ История Императорской Академии наук в Петербурге, т. 1. СПб., 1870, стр. XVIII и след. (особенно примечания).

⁷ См.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. Т. I. XVIII век. М., 1956, стр. 210 и след. (особенно примечания).

В Архиве Академии наук в Ленинграде я нашел изложенный в виде отчета И. В. Паусом и им самим написанный подробный рассказ о возникновении и истории его литературных работ, озаглавленный «*Observationes, inventiones et experimenta circa literaturam et historiam russicam. . .*».⁸ Этот отчет был предназначен для тогдашнего президента Академии наук Лаврентия Блументроста-младшего и сочинен в 1732 году на немецком языке. Паус в нем подробно перечисляет свои заслуги в изучении русского языка, литературы и истории. До настоящего времени в таком сводном изображении они были неизвестны.

Кто же был этот Иоганн Вернер Паус, который долгое время был почти полностью забыт и интерес к которому сейчас непрерывно возрастает? Он родился в 1670 году в Зальцунгене (Тюрингия), позднее поселился в Галле и был там вовлечен известным А. Г. Франке в дело пиетизма. В 1700—1701 годах по поручению Франке он посетил Швецию, но за пропаганду пиетизма был оттуда выслан. Осенью 1701 года также по поручению Франке и с благословения другого вождя пиетистов — Шпенера он выехал из Берлина в Россию. Свое путешествие он подробно описал в отчете под названием «*Beschreibung der Reise von Sachsen nach Moskau*».⁹ Рукопись эта, правда, обрывается на описании перехода русской границы, но о дальнейших судьбах Пауса нам известно из последующих писем его и других лиц.¹⁰ Царский лейбмедик Л. Блументрост-старший взял его на поруки, когда он в 1702 году был арестован по подозрению в шпионаже. В доме Блументроста Паус жил в качестве воспитателя его сыновей, в том числе и Л. Блументроста-младшего, к которому позднее он адресовал свои «*Observationes*» 1732 года.

С 1704 года Паус был учителем Московской гимназии, которую по поручению царя Петра основал пастор Эрнст Глюк. После скоропостижной смерти Глюка Паус некоторое время был ее директором. В 1706 году им был составлен устав этой гимназии. Как явствует из отчета, Паус обладал весьма неуживчивым характером. Во всяком случае, один из его коллег по гимназии, пиетист Риттих, в письме к Франке от 4 апреля 1706 года характеризует его следующими словами: «Паус в большой мере возбудил к себе ненависть как у русских, так и у немцев своей надменностью, тщеславием и склоками со

⁸ ДАН, Р. III, оп. 1, № 168а, лл. 1—16г.

⁹ Там же, № 315.

¹⁰ См. письма Рейхмута и Ролоффа к А. Г. Франке в *Berliner Francke-Nachlass* (Kapsel 28); в настоящее время хранятся в Государственной библиотеке в Тюбингене.

всеми. И все же он убежден, что нет никого рассудительнее, умнее и благочестивее его».¹¹ Таким образом, в качестве директора гимназии Паус вскоре стал невозможен. В «Chronik des Gluckschen Gymnasiums», которую Паус вел с 24 апреля 1706 по 28 мая 1706 года,¹² он в своей сварливой манере, которая способна видеть только чужую вину, сам изображает свои бурные столкновения с учениками и управляющим гимназией.

С 1707 года он служил секретарем и гувернером в русских дворянских домах. Воспитатель царевича, вестфалец Гюйссен, с которым он познакомился через Франке, привлек его к обучению своего питомца, которому он должен был преподавать географию и историю. Попутно Паус имел задание переводить на русский язык нужные книги, чаще всего по выбору самого Петра. Эти поручения он также получал через Гюйссена. Наряду с «Orbis pictus» Коменского, самой важной из переведенных им книг была «Cosmotheoros» Гюйгенса, одно из главных произведений эпохи раннего Просвещения в борьбе за новое мировоззрение; первое русское издание этого труда появилось в 1717 году, но в другом переводе. В 1721 году Паус приехал в Германию с намерением там остаться, но через несколько месяцев по настоянию Гюйссена, очень высоко ценившего его способности как переводчика, и под влиянием Франке возвратился в Россию.¹³

Гюйссен интенсивно занимался историей России¹⁴ и старался вовлечь в круг своих научных интересов Пауса, который в большей мере был увлечен филологией. Несомненно, что Гюйссен очень много ожидал для создания истории России от занятий Пауса древнерусскими летописями. В конце 1724 года первый президент Академии наук Блументрост зачислил Пауса переводчиком Академии с окладом в 300 руб. в год. Паус развил большую переводческую деятельность, о которой поныне свидетельствует его недавно собранное наследие. Но со своим научным исследованием Паусу никак не удавалось пробиться в печать, хотя он нашел друга и единомышленника в лице академика Э. Т. Байера. Как явствует из рукописи «Observationes», Паус имел большое влияние на Байера как историка. Он пытался ознакомить его с древнерусскими летописями. Судя по изложению Пауса, именно он (Паус) является основателем норманской теории, этой антиисторической легенды, по которой

¹¹ Berliner Francke-Nachlass, Kapsel 28.

¹² AAN, P. III, оп. 1, № 167, лл. 12—17.

¹³ См.: E. Winter. Russlandkunde, стр. 204—206, 397 и др.

¹⁴ См.: П. Пекарский. Барон Гюйссен. «Отечественные записки», 1860, № 3, стр. 49 и след.

восточные славяне организовались в государство лишь при помощи норманнов.

Паус умер в Петербурге в 1735 году. Как показывают адресованные ему письма нарвского пиетиста И. Г. Родде, Паус и после «*Observationes*» неуклонно продолжал работу над русской историей.¹⁵ 2 марта 1733 года Родде благодарит Пауса «за благосклонное сообщение о славном намерении издать историю русского государства в ряде сборников».¹⁶

Родде, сам интересовавшийся русской историей, подчеркивает, что «это несомненно очень нужное, полезное дело, которого ожидают многие, и я желаю, — писал он, — чтобы оно как можно скорее смогло быть закончено на потребу любителям». Он заверяет Пауса в своей готовности способствовать этому труду. Для начала Родде посылает своему адресату список русских книг, «которые <ему> здесь неоднократно попадались на глаза».

Таков в общих чертах жизненный путь автора отчета, каким он нам был до сих пор известен.

Связное изображение литературной деятельности Пауса до настоящего времени отсутствовало. Поэтому автобиография его представляет большой интерес как для славистики, так и для истории славянских народов. Несмотря на озлобленность, с которой писались «*Observationes*», они — все-таки важный источник для истории первых лет Петербургской Академии. Но они важны также и для истории немецко-русских взаимосвязей, хотя в них слишком часто проявляется грубая ограниченность автора. Эта черта работы Пауса должна особенно учитываться в наше время прежде всего теми, кто видит положительные стороны немецко-русских взаимодействий и защищает их значение в интересах мира в Европе.

В «*Observationes*» содержится много интересных замечаний о русском языке и литературе, которые, к сожалению, омрачаются невыносимой заносчивостью и самомнением Пауса. Именно из них становятся особенно понятными столкновения Ломоносова с подобными иностранными сотрудниками Петербургской Академии, против которых он, как известно, вел яростную борьбу.

Большая часть сочинений, в том числе и переводов Пауса, о которых он говорит в своем отчете, осталась в рукописи. Многие ученые пользовались ими, но никто их не издал. Частично потому, что они устарели, частично же потому, что после смерти Петра Великого прошел интерес к сочинениям со слишком явно выраженной прогрессивной идеей, вроде «*Cosmo-*

¹⁵ ААН, Р. III, оп. 1, № 196.

¹⁶ См.: E. Winter. *Russlandkunde*, стр. 397 и след.

theoros» Гюйгенса, а также — и это Паус настойчиво подчеркивает в своей автобиографии — потому, что лица, пользовавшиеся его трудами, не хотели обнаружить, на каких источниках основывались их исследования.

«Observationes» Пауса так же полны противоречий, как и он сам. Паус потратил всю жизнь на то, чтобы проникнуть в дух русского языка, который он совершенно правильно рассматривал в связи с другими славянскими языками — польским, чешским, вендским, и в то же время и русский язык и народ оказались ему в конечном итоге непонятными.

Сложные взаимоотношения внутри Петербургской Академии благодаря «Observationes» Пауса становятся очевидными во всей их невыносимой запутанности. Паус изображает и коварство Шумахера, и присвоение чужих трудов Миллером — так во всяком случае он утверждает. По их вине, говорит Паус, его работы по изучению русского языка не находили того признания, на которое он считал себя вправе рассчитывать. Когда он потребовал скромного гонорара за свой русско-немецкий словарь, Шумахер вышвырнул его за дверь, на что Паус жалуется с законным негодованием. И это — одна из многих подобных сцен, которые он описывает в своем откровенном сочинении.

Паус, с одной стороны, — пиэтист и стоит в столь же тесной связи с пиэтизмом, как А. Г. Франке или Э. Байер; с другой — он восторженный последователь Вольфовской философии, в чем сам неоднократно признается в «Observationes». Ничто так не отражает его противоречивую натуру, как сочетание этих двух духовных течений, резко противостоявших друг другу в то время, когда он писал свой отчет. Паус рассказывает также историю возникновения своих работ, которая до сих пор была неизвестна, но в высокой степени заслуживает внимания славистов и историков. Он подробно говорит о возникновении своего русско-немецкого словаря 1727 года, о своей русской грамматике, которую он будто бы начал писать еще в 1705 году, когда после смерти Глюка стал директором московской гимназии, и продолжал ее с 1707 года, будучи воспитателем юного князя Долгорукого. О славистическом наследии Глюка, которое должно было быть особенно значительным именно в области изучения русского языка, Паус умалчивает.

Его неприязнь к сильно им преувеличенному греческому влиянию на русскую грамматику везде проступает чрезвычайно резко. Это влияние он рассматривает как препятствие к восприятию западных, прежде всего, конечно, протестантски пиэтистских идей, и потому решительно отклоняет его. Подобным же образом за несколько десятилетий перед тем отвергал греческое влияние

Ю. Крижанич, считавший, впрочем, протестантско-немецкое воздействие еще более опасным. В конечном итоге в их отношении к России важную роль у них обоих играет таким образом проявляющаяся вероисповедная ограниченность.

В 1709 году Паус, по его словам, был поддержан Гюйссеном, тогдашним воспитателем царевича, в своей работе над практической русской грамматикой. В 1717 году Паус счел этот труд достаточно законченным, чтобы выдержать сравнение с изданными до того русскими грамматиками. В 1720 году его грамматика была окончательно готова для печати. Она была передана царю Блументростом, но чистовой экземпляр ее затерялся и его нигде не могли найти, ни при жизни, ни после смерти Петра. Паус намекает, что это произошло не без участия Шумахера, библиотекаря царя. Когда в 1721 году Паус отправился в Германию, он хлопотал, как это явствует из письма Гюйссена к А. Г. Франке от 23 апреля 1721 года, о напечатании там своей русской грамматики, подробного словаря и переводов русских книг. При этом перечисляется целый ряд рукописей, которые Паус взял с собой для издания: с 1704 года в Галле существовала русская типография, которая могла по указаниям Пауса обзавестись новыми шрифтами. Пособия для изучения русского языка представляются Гюйссену необходимыми, так что эти издания, по его мнению, обещают также и материальную выгоду. Корректуру Паус успел бы произвести за время своего пребывания в Германии. Но такое издание не было осуществлено, несмотря на настоятельную рекомендацию Гюйссена.

После открытия Академии в 1725 году ее первый президент Блументрост приказал Паусу заново подготовить русскую грамматику к печати. Судя по оставшемуся у Пауса экземпляру рукописи, он 11 декабря 1729 года передал ее Академии вполне подготовленной к печати. Он считал ее своей лучшей работой и видел ценность ее прежде всего в том, что различал в ней церковно-славянский и русский языки и сравнивал оба эти языка друг с другом. В этой связи он не упоминает о русской грамматике Лудольфа, вышедшей в Оксфорде еще в 1696 году, хотя автор последней также принимал во внимание это различие. Подробные примечания Пауса к его русской грамматике вызывают желание, чтобы скорее вышло её издание. Наряду с русско-церковно-славянской грамматикой Смотрицкого, анонимное издание которой относится к 1648 году, Паус знал и русскую грамматику Лудольфа.¹⁷

Особенно его сердило сочинение В. Е. Адодурова о начальных основах русского языка. Это произведение, выпущенное

¹⁷ См.: J. Tetzner. H. W. Ludolf und Russland. Berlin, 1955.

в 1731 году в качестве приложения к изданному Академией «Teutsch — lateinisches und russisches Lexikon samt denen Anfangsgründen der russischen Sprache» Вейсмана, вызывало ярость Пауса. Ведь таким образом его опередил русский, которому тогда было немногим более двадцати лет и который, по мнению Пауса, недостаточно владел немецким языком. Сам же он десятилетиями трудился над подобной работой, но она из-за неблагоприятных обстоятельств никак не могла выйти в свет. Не его введение, не его словарь стали ходкими книгами, а «Начальные основы русского языка» Адодурова. Это сочинение еще два раза вышло в переработанном издании в 1782 и 1799 годах.

Появление именно этой книги было главным поводом к написанию «Observationes» в 1732 году. Тогда и Блуентрост, который только 6 июля 1733 года должен был оставить свою должность, еще был президентом Академии. 1732 год как время написания «Observationes» подтверждается тем, что Паус передал свою русскую грамматику Академической канцелярии в 1729 году и в тексте говорит о трех годах, которые она уже там пролежала. Кроме того, в конце своего отчета он ясно указывает 1732 год как год возникновения «Observationes». Это произведение является настоятельной мольбой, даже криком уязвленной души ученого о публикации его грамматики, над созданием которой он трудился столько лет. В его голове просто не умещалось, что произведение молодого талантливого русского, который смело и легко написал свое введение в русский язык, вышло из печати, а его многолетним трудом молчаливо пренебрегли. В свете грубой недооценки русских достижений лицам, знающим русскую историю, так понятна та страсть, с которой Адодуров, а позднее Ломоносов, воевали против проявлений подобного невероятного высокомерия. Паус ведь хотел, как это очень грубо выражено в «Observationes», призвать иностранцев в Академии к солидарности против русских. Правда, его голос был слишком слаб. Другим, как например Миллеру, это удалось больше.

Далее Паус говорит о собрании русских пословиц, которые он подготовил к печати. Такое собрание под заглавием «Русские пословицы» в двух частях вышло в Петербурге в 1785 году. Оно было издано И. Ф. Богдановичем и не имеет никакого отношения к работе Пауса. И здесь Паус посвятил дельному замыслу много усердия и труда, но до публичной реализации не дошло и это начинание.

В заключение Паус указывает, что он работает над созданием церковнославянско-русско-немецко-латинского словаря на основании церковнославянско-греко-латинского словаря («Тре-

язычный лексикон» Ф. Поликарпова, который вышел в 1704 году в Москве).¹⁸ Он просит Академию позаботиться о переписке этого необычайно разросшегося труда, так как сам он, занятый другими работами, не сможет этого сделать. И эта просьба также осталась неуслышанной. Неудивительно, что подобное равнодушие к его ученой деятельности только усиливало неуравновешенность его характера.

В области исторического исследования Паус прежде всего указывал на свои заслуги в разработке русской хронологии, в установлении правильных дат ряда событий русской истории. Над этим он трудился еще будучи учителем царевича.¹⁹ Эту работу Паус мог передать Петру I уже весной 1704 года, о чем он писал А. Г. Франке, которого напрасно просил напечатать в Галле, в только что заведенной там русской типографии этот хронологический обзор русской истории. На основании своих хронологических принципов Паус составлял каталоги князей и потратил на это, как подчеркивается в «*Observationes*», много труда и времени. Он еще предлагал Академии для напечатания краткое описание рек, дорог и больших магистральных путей России с указанием расстояний в верстах.

Важны также сведения, приводимые Паусом о летописи, которую он приписывает архимандриту Феодосию и которая позднее приобрела столь большое значение для русской историографии под названием летописи Нестора. То, что Паус сразу оценил ее, свидетельствует о большом его умении разбираться в древнерусских летописях. Паус излагает историю драгоценной рукописи и прославляет Петра I за его хлопоты по приобретению этого сокровища сразу же, как только оно было ему показано в Кенигсберге. Это случилось, по-видимому, в 1717 году, во время последнего путешествия царя в Среднюю и Западную Европу. Филолог и историк Байер был очевидцем настойчивых усилий Петра I договориться о покупке этой летописи в Кенигсбергской библиотеке. Вероятнее всего, что именно при этом между Э. Т. Байером и Петром I завязались те личные отношения, которые впоследствии привели к призыванию этого ученого в Петербург в качестве одного из первых членов Академии наук. Уже 3 декабря 1725 года Байер стал действительным ее членом по русским и греческим древностям. Паус, как упомянуто, вовлек его в занятия русской историей. Кроме того, Байер имеет большие заслуги в китаеведении.

¹⁸ См.: И. В. Ягич. История славянской филологии, стр. 928.

¹⁹ См.: E. Winter. Russlandkunde, стр. 204—206 и хронология в «Приложении» после стр. 504.

Паус получил рукопись летописи только в 1731 году, т. е. незадолго до написания им отчета, и занялся ее основательным изучением. Он правильно признал ее одним из лучших источников русской истории. Правда, он ошибся насчет автора: создателями хроники были многие очень осведомленные люди.

Паус позаботился также о комментарии и переводе летописи на латинский и немецкий языки и, как пишет он в своем отчете, передал их «в этом 1732 году в феврале месяце в канцелярию». Он надеялся на скорое напечатание этого труда. Но и здесь его надежды оказались напрасными: труд этот доныне хранится в его наследии ненапечатанным. По-видимому, введение и перевод, над которыми Паус столько работал, были использованы не только Миллером (что Паус утверждает со всей решительностью), но десятилетиями позже и А. Л. Шлёцером для его издания летописи Нестора.

Паусу не повезло в том, что все, кто использовал его труды, не были склонны воздать должное своему предшественнику, чтобы не делить с ним своей славы.

Паус подробно занимался «Степенной книгой», рукопись которой он редактировал и комментировал. Здесь ему тоже кажется, что историк Г. Ф. Миллер присвоил результаты его усердия и его авторскую славу. Потому он и старался в «Observationes» представить в истинном свете свои заслуги в области изучения русского языка, литературы и истории, чтобы не быть совсем отодвинутым на задний план. Миллер, который был гораздо моложе Пауса, явно стремился использовать материалы, собранные Паусом с беспримерным усердием. Особенную ценность для него могли представить латинские и немецкие переводы русских исторических источников, сделанные Паусом, так как они позволяли ему быстро продвинуться в исследовании русской истории и издавать «Sammlung russischer Geschichte».

Паус был совершенно растерян: русский Адодуров, по его мнению, не знает немецкого языка и притом издает введение в русский язык для немцев; немец Миллер не знает русского языка и издает сборник документов по русской истории. Как ни неприятно проступает все время склонность Пауса в его «Observationes», трагичность его пути как ученого отрицать невозможно. Те исторические принципы, которые Паус изложил в своих «Observationes» и основываясь на которых сам собирался издать сборник источников по русской истории, очень верны и заслуживают одобрения. Как явствует из уже приведенного к нему письма Родде от 1733 года, он не отказался от этого намерения даже при все возрастающей активности Миллера. Следует сожалеть, что Паусу так и не удалось самому

выпустить в свет собрание первоисточников и что только обрывки этой огромной работы остались в его наследии.

Против Миллера Паус выдвигает тягчайшее обвинение, которое можно предъявить ученому, — обвинение в плагиате. Он резюмирует свои взгляды на Миллера в следующей многозначительной фразе: «Я — разыскатель источников, составитель и истолкователь русской истории, он же <Миллер> — плагиатор, популяризатор и фанфарон». С этим тяжким обвинением против Миллера он обращается к президенту Академии, Блументросту, и взывает о справедливости. Он, Паус, всегда выполнял свой долг в отношении Академии, пусть и она, наконец, позаботится о нем и его чести. Миллер явно знал об этом обвинении и изображал его пустяком, что, на наш взгляд, было неверно. Он представляет Пауса простым переводчиком и пишет: «Он <Паус> имел репутацию человека, очень хорошо знающего и основательно понимающего <русский язык>. Особенно он владел старым книжным и церковным языком, который называют славянским. . . Я употреблял его на составление немецких извлечений из старых русских летописей. И тут он ввел меня в ошибку — из-за него я спутал первого русского историографа Нестора с настоятелем Печерского монастыря под Киевом, Феодосием. Это не есть доказательство основательного знания русского языка».²⁰

На просьбе о справедливости рукопись Пауса обрывается. По-видимому, хранителю этих «Observationes» заключительная их часть показалась малоинтересной. Для истории эта утрата, вероятно, не великий ущерб, хотя, если бы потерялась вся рукопись, об этом следовало бы пожалеть.

Установление научных достижений Пауса остается задачей будущего. Сохранившиеся все же весьма значительные фрагменты его наследия могли бы стать основой подобной работы для коллектива филологов и литературоведов. Проверка того, что утверждается в «Observationes», была бы во всяком случае одинаково существенна для филологии, литературоведения и истории. Только таким образом можно было бы охватить эту работу во всем ее объеме и глубине. И здесь также намечается поле для сотрудничества немецкой и советской науки.²¹

²⁰ См. также мнение Миллера о Паусе в «Материалах для истории Императорской Академии наук» (т. VI, СПб., 1890, стр. 101).

²¹ Более подробно проф. Винтер рассматривает деятельность И. В. Пауса в статьях о нем в «Zeitschrift für Slawistik», 1958, Н. 5, S. 744—770; 1959, Н. 2, S. 264—271. *Прим. Ред.*